

КОРМЧИКЪ

Номеръ 39-й.

Адресъ редакціи:

Москва, В. Ордынка, д. 27, кв. 10, свят. С. С. Янишевскаго. Телеф. № 53-09.

ГОРОДСКАЯ ПОДПИСКА.

Кромѣ Редакціи принимается: 1) въ конторѣ Печковской, въ Петровскихъ линияхъ, 2) въ кн. свл. Отдѣла, Каретн. рядъ, Лиховъ пер. Иногородніе исключительно обращаются въ контору Редакціи.

21 сентября 1913 г.

Условія подписки

На годъ (съ перес.) . . . 4 р. — к.
 » полгода 2 » 50 »
 » мѣсяцъ — » 50 »
 На годъ (безъ перес.) . 3 » 50 »
 » полгода 2 » — »

Объявленія въ «Кормчѣмъ». Приним. по 20 к. за стр. петита въ 1/3 шир. стр. въ Ред.-у Печковской (Петр. линія), въ Конторѣ Л. Метиль. При перем. адреса прилаг. прежній печати. адр. и 30 к. (почт. марк.).

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ:
 * НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ. *

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

О, Пресвятая Дѣво, Мати Господа вышнихъ силъ, небесе и земли Царице, града и страны наша всемогущая Заступнице! пріими хвалебно-благодарственное пѣніе сіе отъ насъ, недостойныхъ рабъ Твоихъ, и вознеси молитвы наша ко престолу Бога, Сына Твоего, да милостивъ будетъ неправдамъ нашимъ, и пробавитъ благость Свою чужимъ всечестное имя Твое и съ вѣрою и любовью поклоняющимся чудотворному образу Твоему. Нѣсмы бо достойни отъ Него помиловани быти, аще не Ты умилостивиши Его о насъ, Владычице, яко вся Тебѣ отъ Него возможна суть. Сего ради къ Тебѣ прибѣгаемъ, яко къ несомнѣнной и скорѣй Заступницѣ нашей: услыши насъ, молящихся Те-

Изображеніе чудотворной иконы Божіей Матери Иерусалимской.

Икона находится въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Принесена изъ Іерусалима въ Константинополь, а оттуда дана въ даръ Князю Владиміру. Празднованіе ей 12 октября.

бѣ, осѣни насъ вседержавнымъ Покровомъ Твоимъ и испроси у Бога, Сына Твоего пастыремъ нашимъ ревность и бдѣніе о душахъ, градоправителемъ мудрость и силу, судіямъ правду и нелицепріятіе, наставникомъ разумъ и смиренномудріе, супругамъ любовь и согласіе, чадомъ послушаніе, обидимымъ терпѣніе, обидящимъ страхъ Божій, скорбящимъ благодушіе, радующимся воздержаніе, всѣмъ же намъ духъ разума и благочестія, духъ милосердія и кротости, духъ чистоты и правды. Къ Тебѣ убо молимся, и Тебѣ, яко Всемогущей Помощницѣ, сами себе и другъ друга и весь животъ нашъ предаемъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Путеводные огоньки.

Земная жизнь.

Настоящая жизнь наша не есть жизнь истинная, дѣйствительная, для какой мы предназначены Творцемъ. Въ отношеніи къ будущей, ожидающей насъ жизни, она есть тоже, что жизнь птенца въ яйцѣ, что жизнь младенца въ утробѣ матери. Земная жизнь есть только начало, приготовленіе къ жизни. Настоящая жизнь наша дана намъ для того, чтобы мы приготовили себя къ жизни будущей.

Самая истинная цѣль сей конечной жизни, есть научиться жизни безконечной.

Никогда не должно забывать, что мы всѣ—въ дорогѣ, и возвращаемся въ наше отечество, кто съ котомкою на плечахъ, кто на рѣзвой четверни, но всѣ войдемъ въ одни ворота.

Человѣкъ одними воротами—путемъ рожденія,—входитъ въ міръ сей, а другими, то есть воротами смерти, выходитъ изъ него. О, человѣкъ! Ты здѣсь не туземецъ, а чужой гость. И душа и тѣло—гости, одинъ небесный, а другой земной.

Отечество наше на небесахъ, а здѣсь—чужая сторона, которую проходимъ на небо. Потому—то намъ здѣсь иногда бываетъ такъ скучно, что ничѣмъ земнымъ не можемъ разсѣять тайной своей грусти;—это тоска по небу, какъ родной сторонѣ.

Будемъ смотрѣть на нашъ жизненный путь, какъ на стезю, ведущую къ небу; тогда легкомысленный одумается и направитъ свои стопы къ истинной цѣли; тогда порочный обратится и станетъ искать пути, ведущаго къ добродѣтели; тогда печальный, гонимый и презираемый мужественно будетъ переносить краткое время печали.

Жалокъ тотъ человѣкъ, который вмѣсто того,

чтобы построить себѣ домъ въ своемъ отечествѣ, строить его въ странѣ чуждой и ничего не готовить для родины, въ которой жить долженъ! Кто не скорбитъ и не воздыхаетъ какъ странникъ на землѣ, тотъ не будетъ гражданиномъ неба.

День рожденія подаетъ руку дню смерти. Жизнь есть начало смерти.

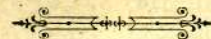
Первый вопль новорожденного пришельца въ міръ есть первый вѣстникъ смерти его и первое надгробное ему слово. Едва успѣетъ человѣкъ одною ногою вступить въ міръ сей, какъ другую ставитъ уже въ гробъ. Немоги рожденія суть какъ бы уже начатки смерти, колыбель—предтеча гроба, пелены—первый край погребальной плащаницы.

Настоящая жизнь наша, возрастая, вмѣстѣ и убавляется, умножаясь,—уменьшается.

„Настоящую жизнь почитай торжищемъ“, говоритъ св. Григорій Богословъ. „Если пустишься въ торговлю, то останешься съ прибылью: потому что за малое получишь въ обмѣнъ великое, и за скоропреходящее—вѣчное. А если пропустишь случай, другаго времени для такого обмѣна уже не будетъ“.

Доброе и худое, что встрѣчаемъ въ жизни, можетъ способствовать и добродѣтелямъ и порокамъ. Дѣло благоразумія есть пользоваться тѣмъ на успѣхъ въ первыхъ и на переکورъ вторымъ (Авва Евагріій).

Люди радовались при твоёмъ рожденіи; живи такъ, чтобы плакали по твоей смерти.

Спасеніе во Христвѣ.

Если бы намъ, жителямъ земли, предложили новое солнце, которое бы блистало и свѣтило, положимъ, лучше прежняго, и если бы въ день новаго года намъ предоставили выбрать одно изъ этихъ двухъ солнць, ужели бы мы тотчасъ объявили себя за новое? Конечно, нашлось бы много такихъ людей, которые бы тотчасъ перешли къ новому солнцу; но это было бы дѣломъ поспѣшнымъ и необдуманнымъ. Вѣдь, старое солнце такъ долго свѣтило нашему роду; подъ нимъ такъ долго жили наши отцы и дѣды, такъ долго пользовались его свѣтомъ и тепломъ. Было бы неблагогодарно измѣнить старому другу и добродѣтелю и пристать къ новому!

То же самое можно сказать и о старой христіанской вѣрѣ. Сколько странъ она осчастливила, сколько сердець она согрѣла животворною радостію. Она водворила порядокъ и спокойствіе на землѣ, даровала утѣшеніе и миръ въ семейной жизни и отраду даже на самомъ олѣнн смерти. Старая христіанская вѣра, какъ и сѣнн на небѣ, выдержала

не одинъ годъ испытанія и выдержала его съ честью.

Въ защиту христіанства принято говорить о многихъ, такъ сказать, осязательныхъ его благахъ—въ общественной, государственной и частной, семейной жизни. Достаточно указать, напр., на уничтоженіе рабства въ христіанскихъ обществахъ, на улучшеніе положенія женщины-христіанки и пр. Духъ Евангелія, можно сказать, проникъ во всё отношенія нашей жизни. Всё эти блага, дарованныя всему человѣчеству христіанствомъ, такъ велики и очевидны, что ихъ могутъ отрицать только невѣжество и злобная ненависть. Но мы не будемъ распространяться объ этихъ *очевидныхъ* благахъ, а скажемъ о томъ лучшемъ и высшемъ благодѣяніи, какое даруетъ намъ христіанство—объ отпущеніи намъ нашихъ грѣховъ. Это благо не всѣми ясно сознается, но въ немъ, конечно, состоитъ сущность христіанской вѣры, именно—въ томъ, что во Христѣ мы имѣемъ прощеніе грѣховъ, спасеніе, жизнь и блаженство.

Самыя чистыя, возвышенныя и драгоценныя блага, даруемыя Евангеліемъ, *невидимы* и скрыты. Не то, что дѣлается въ государствахъ земли, не то, что совершается на рынкахъ и улицахъ, не то, что исторія заноситъ на свои страницы, но то, что совершается въ „тихой клѣтѣ“ и испытывается и переживается въ глубочайшихъ основаніяхъ сердца, собственно и составляетъ величайшее благо, даруемое намъ христіанствомъ. „Не прійдетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ и не скажутъ: вотъ, оно здѣсь, или вотъ тамъ. Ибо царствіе Божіе внутри васъ“. (Лк. 17, 20). Вотъ внутренняя сущность Евангелія.

Евангеліе удовлетворяетъ глубоко-внутреннему чувству человѣка и даруетъ ему высшее благо, которое люди называютъ, вообще, счастьемъ. Сердце человѣческое стремится къ счастью. Человѣкъ чувственный ищетъ этого счастья въ земныхъ радостяхъ и наслажденіяхъ, въ земныхъ богатствахъ и почестяхъ. Болѣе возвышенный человѣкъ ищетъ его въ духовныхъ дарахъ. Но какъ часто возмущается это счастье! Онъ ищетъ истины и замѣчаетъ часто, что онъ обманывается призраками, которые принимаетъ за дѣйствительность, сомнѣнія и противорѣчія беспокоютъ его. Онъ ищетъ счастья въ спокойствіи своей совѣсти, и—не находитъ нигдѣ истиннаго мира, чувствуя свое ничтожество и нравственное безсиліе. Низшія природы ничего не знаютъ объ этой нравственной борьбѣ, но сердца благородныя испытываютъ ея мученія. Знаменитый англійскій поэтъ Байронъ сознавался, что только 11 дней счастливыхъ онъ имѣлъ въ жизни. Блестящій халифъ Абдеррахманъ предъ своей смертью писалъ: „Я царствовалъ 50 лѣтъ. Я имѣлъ богатство, почести и всякія наслажденія...

И нашель только 14 счастливыхъ дней въ своей жизни!“—А между тѣмъ, несчастный негритянскій рабъ въ Виргиніи всплескиваетъ своими руками, отягченными оковами, и восклицаетъ: „Я счастливъ! Я счастливъ!“ И почему? „Потому что я имѣю Христа!“—отвѣчаетъ онъ. Одно только христіанство и одно только Евангеліе въ состояніи удовлетворить стремленію къ счастью. Правда, наша жизнь полна заботъ и трудовъ. Много ненависти и мученій отравляютъ кратковременную жизнь. Но христіанинъ, который вѣруетъ въ Бога и знаетъ, что онъ чадо Божіе и наслѣдникъ небеснаго царства,—который нашель въ своемъ Спасителѣ миръ и блаженство,—онъ одинъ знаетъ, что „любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу“ (Рим. 8, 28). Онъ одинъ пойметъ того негритянскаго невольника и его восклицанія и со всею радостью засвидѣтельствуетъ, что онъ ежедневно и обильно находитъ то же счастье въ своемъ Спасителѣ и въ общеніи съ Нимъ (Ците. „Величіе христіанства“).

Сердце человѣческое стремится къ святости. Даже злодѣй и тотъ хочетъ казаться добрымъ и скрываетъ свои пороки и преступленія. Сами язычники чувствуютъ нужду въ прощеніи грѣховъ. Но весь разумъ разумныхъ и вся мудрость мудрыхъ не могли и не могутъ выдумать лучшаго средства, чѣмъ то, какое намъ дано во Христѣ и Его искупленіи (Евр. 9, 12). Это искупленіе было единственнымъ средствомъ, чрезъ которое мы находимъ въ милосердіи и любви Божіей наше спасеніе: „ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16). Это слово о *крестѣ* Спасителя составляетъ истинное и дѣйствительное утѣшеніе при всякомъ грѣховномъ бремени, и этимъ утѣшеніемъ оно дѣйствительно было въ жизни и смерти для миллионовъ обремененныхъ и сокрушенныхъ сердець.

Всѣ благородныя души чувствуютъ потребность нравственнаго очищенія; но кто захотѣлъ бы достигнуть этого очищенія безъ Христа, тотъ скоро увидѣлъ бы, что его усилія совершенно напрасны. Одно христіанство дѣйствительно можетъ освятить человѣка, представляя ему въ Іисусѣ Христѣ дивный и святой образъ, которому онъ долженъ подражать и идти по Его стопамъ. И кто взираетъ на этотъ образъ съ вѣрою, тотъ получаетъ силу и крѣпость въ искушеніяхъ и такую твердость во всѣхъ путяхъ жизни, какихъ не могутъ сообщить всѣ разглагольствія о нравственности и добродѣтели, о долгѣ и совѣсти.—Такимъ образомъ—Евангеліе и христіанство оказываютъ свои благодатныя дѣйствія на человѣка, вполне удовлетворяя его стремленію къ счастью, истинѣ и святости, и даруя ему спасеніе во Христѣ.

Изъ пастырскаго дневника.

Если міръ васъ ненавидитъ, знайте, что Меня прежде васъ возненавидѣлъ“ (Іоан. XV, 18),— слова Господа нашего Іисуса Христа св. апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и намъ, недостойнымъ пастырямъ, ихъ преемникамъ, проповѣдникамъ истины евангельской.

Да, Господи, настало то время, когда насъ, проповѣдниковъ истины Твоей, возненавидѣли. Конечно, возненавидѣли прежде всякую истину вообще, потомъ высочайшую Истину—Христа, а затѣмъ и насъ, недостойныхъ Его служителей... Правда, есть среди насъ и слабые, и лѣнныя, грѣшны мы, но кто же безъ грѣха? Вѣдь и мы не ангелы, а люди, облеченные плотью и кровью. Мы съ недостатками, но все же мы *вси* Твои, Христе, ученики, носители свѣта благодати Твоея, провозвѣстники истины евангельской. И міръ насъ ненавидитъ...

Сколько униженій, оскорбленій и обидъ незаслуженныхъ, злонамѣренныхъ приходится переносить намъ, пастырямъ Христовымъ. Сколько огорченій, насмѣшекъ претерпѣваемъ мы... За что? За имя Твое (Іоан. XV, 21). Пусть насъ міръ, Христе нашъ, ненавидитъ... Вѣдь мы знаемъ, что Тебя прежде насъ возненавидѣлъ.

Что намъ до лукаваго міра? Что мы ему и что онъ намъ? Мы міру „яко отребія быхомъ“ и есть, а міръ врагъ нашъ, съ которымъ мы должны бороться. И прежде всего въ самихъ себѣ мы должны убить духъ міра, любовь къ міру и его фальшивымъ прелестямъ.

Ты, Христе, избралъ насъ отъ міра и сего ради ненавидитъ насъ міръ (Іоан. XV, 19). Пусть ненавидитъ, только Ты, Христе, возлюби насъ; пусть гонитъ, отвергаетъ, презираетъ насъ, только Ты, Христе, не отгони, не презри, не отвергни насъ.

Св. Апостолъ Павелъ и среди гоненій, скорбей, болѣзней, огорченій и всевозможныхъ лишеній могъ воскликнуть: „Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ“ (Филип. 4, 13). Господи! дай и намъ силу и ревность вмѣстѣ съ Апостоломъ воскликнуть эти слова, полныя неизреченной вѣры въ помощь Божественнаго Спасителя.

Да, Господи, Тебя гнали и насъ гонять... Гонять въ жизни, гонять въ печати, выливая цѣлое море клеветы, гонять словами, дѣлами, всѣмъ, чѣмъ могутъ... Но лишь бы отъ Тебя не отогнали, а это не въ ихъ власти. Не отгонять, не отгони только Ты, Христе, насъ, недостойныхъ. Но, Господи, Ты примешь насъ, ибо мы твердо вѣруемъ въ Твои слова: „грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ“.

Помнимъ мы слова Твои, Христе. Знаемъ, что Тебя прежде насъ возненавидѣли — и въ этомъ утѣшеніе наше, въ этомъ мы черпаемъ силу для терпѣнія. Мы, рабы Твои, не дерзаемъ быть большими Тебя, жить въ нѣгѣ, покоѣ... Сподоби насъ хоть въ терпѣніи быть подобными Тебѣ.

Господи! Умножь въ насъ вѣру, а тогда мы все сможемъ „о укрѣпляющемъ насъ Іисусѣ“.

Многіе современные беллетристы (особенно Гусевъ-Оренбургскій) охотно пишутъ рассказы изъ жизни духовенства. Дѣло, конечно, хорошее, — пусть читающіе узнаютъ о жизни духовенства полнѣе, увидятъ положеніе духовенства. Но дѣло то въ томъ, что по этимъ рассказамъ ничего не узнаешь о жизни духовенства.

Беретъ такой беллетристъ какой-нибудь типъ, навязываетъ ему всѣ человѣческія слабости и пороки, снабжаетъ десяткомъ—двумя славянскихъ словъ и оборотовъ, часто бессмысленныхъ и — „попъ“ готовъ. Когда считаешь этихъ повѣстей и рассказовъ, то покажется, что духовенство только тѣмъ и занимается, что пьянствуетъ, ѣздитъ на тройкахъ въ гости другъ къ другу, обдираетъ съ мужика послѣднюю копѣйку. Видится, будто у духовенства совершенно отсутствуютъ запросы духа, ничего-то „попы“ не дѣлаютъ, ничего не читаютъ, ничѣмъ не интересуются... Только и всего, что нѣютъ по рюмкѣ и до и послѣ обѣда, да и вообще—пьютъ, пьютъ и пьютъ. Это по Гусеву называется пить „во благовременіи“.

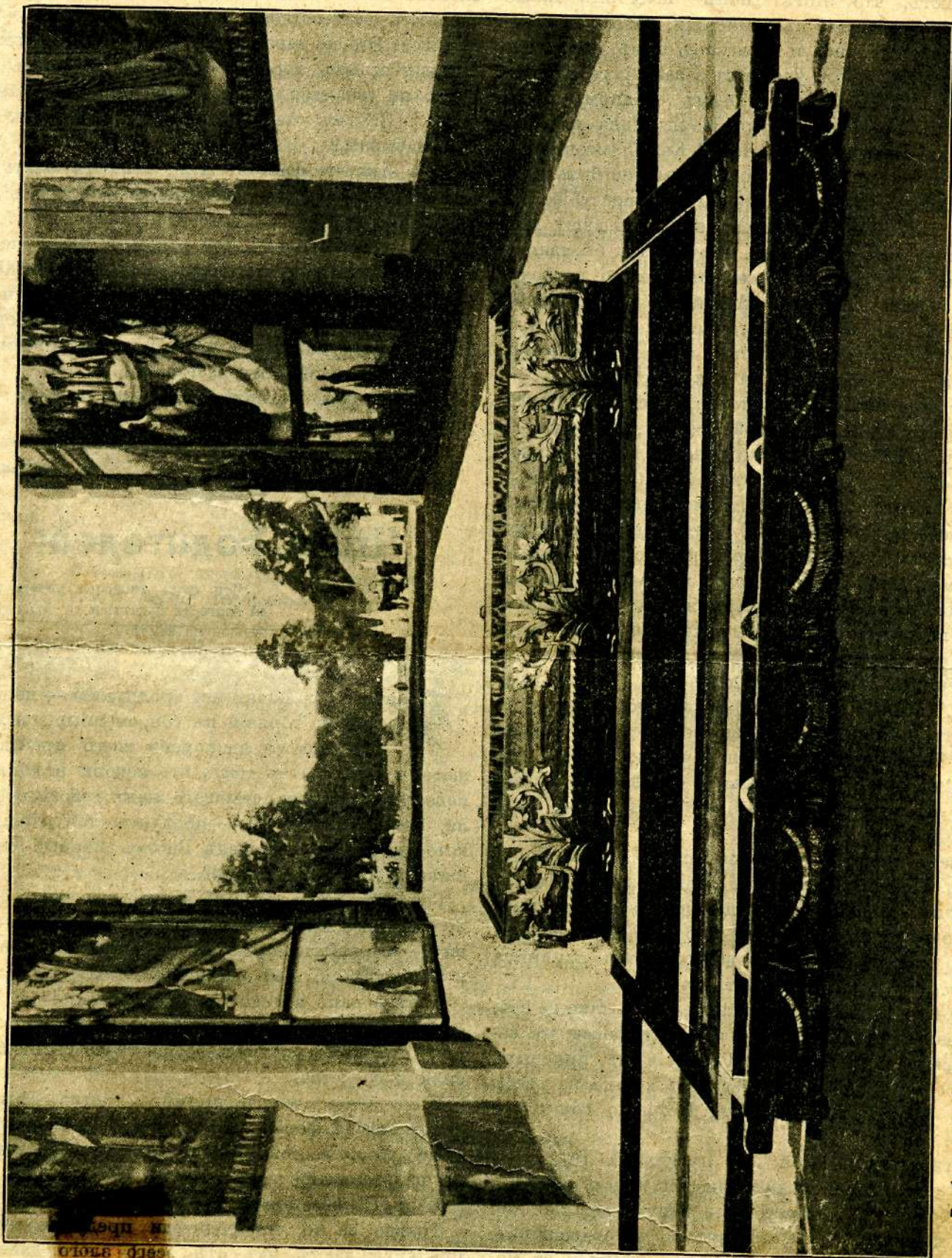
Интриги, вражда, ненависть другъ къ другу, жадность—только эти чувства и дѣла и присущи духовенству по Гусеву и К^о. При томъ, каждый „попъ“ долженъ обладать огромнымъ животомъ, а если его нѣтъ, не снабдилъ г. авторъ, то рѣденькою, противною бородкою... Чтобы и внѣшнимъ видомъ своимъ внушить отвращеніе въ читателѣ... Ни чувствъ хорошихъ, ни стремленій свѣтлыхъ у „поповъ“ нѣтъ, если вѣрить Гусеву и братіи его, имъ же нѣсть числа.

Конечно, есть среди насъ, пастырей, люди со слабостями, даже съ пороками (да гдѣ, въ какомъ сословіи ихъ нѣтъ?), но *такихъ*, какъ у Гусева, безусловно нѣтъ; я думаю, увѣренъ, что нѣтъ! И не дай Богъ, чтобъ и были.

А если такъ, то зачѣмъ же оплевывать духовенство огульно? Зачѣмъ наши слабости разсматривать чрезъ увеличительное стекло? Это вѣдь безсовѣстное передергиваніе житейскихъ фактовъ.

Правда, Гусевъ (и братія) нѣкоторыхъ іереевъ выставляютъ какъ будто и въ хорошемъ свѣтѣ, но *какъ* выставляютъ? *Какъ* хвалятъ и защищаютъ? *Какая* похвала, *какая* защита хуже брани. У Гусева одинъ (и кажется единственный) „хорошій“ батюшка занимается въ часы досуга тѣмъ, что, лежа на диванѣ, читаетъ.. Майнъ-Рида!...

Не Златоуста, не Григорія Богослова, даже не Достоевскаго, Тургенева, хоть бы Толстого, — нѣтъ, щается... вздыхаетъ, и кажется, плачетъ надъ нимъ.

Гробъ, въ которомъ почиваютъ мощи преподобнаго Серафима въ настоящее время, сооруженъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II.

а просто Майнъ-Ридъ... Значить, это гусевски „хорошій“ іерей настолькоъ еще младенецъ умомъ, что Майнъ-Ридъ доволъствуется, даже восхи-

Вѣдь никогда не приходилось читать, чтобы чело- вѣкъ свѣтскій, не духовный, получившій сред- нее образование, зачитывался, восхищался и пла-

каль бы, по изображенію авторовъ, надъ дѣтскими книгами, — ну, а на „попа“ это можно взвалить. Забываютъ, что этотъ „попъ“ получилъ также среднее образованіе въ семинаріи, только гораздо болѣе основательное и серьезное, чѣмъ его получаютъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. И вотъ человѣку съ самымъ солиднымъ среднимъ образованіемъ всунуть въ руки Майнъ-Рида и заставить даже плакать надъ нимъ! Какъ безсовѣстно!

А почему бы нашимъ писателямъ не быть безпристрастными? Заглянули бы они поглубже въ жизнь духовенства, постарались бы въ душу „попу“ заглянуть, тогда и не выдумывали бы такихъ типовъ, которые представляются часто потерявшими образъ не только Божій, но человѣчскій, не только на священника, пастыря не похожи, а прямо забулдыги, пропойцы какіе-то... Стыдно, господа, такъ клеветать на духовенство!

Возьмите примѣръ со старыхъ писателей: Григоровича съ его „Послѣдней требой“, Лѣскова съ „Соборянами“, Потапенко съ „Дѣйствительной службой“, „Духовнымъ кладомъ“ (Рус. Палом.—Свѣточъ 1912 г. кн. 5 и 6). Даже Некрасовъ, вѣдь, не особенно религіозенъ былъ, а все же и онъ отнесся къ духовенству безпристрастнѣе нашихъ современныхъ беллетристовъ, когда кратко и выразительно охарактеризовалъ жизнь священническую въ своей поэмѣ „Кому живется весело, вольготно на Руси“. Онъ сумѣлъ заглянуть въ душу священника и не нашелъ тамъ той тупости, глупости, узости, грубости и заскорузлости, которыя умѣютъ находить современные писатели. Не нашелъ Некрасовъ всѣхъ этихъ чертъ, потому что тамъ, въ душѣ іерея, какъ бы онъ ни палъ низко, этого нѣтъ, а чего нѣтъ, того не найдешь, если не выдумаешь.

Гусевъ пишетъ, что „попы“ пьянствуютъ. Допустимъ. Но всѣ? По крайней мѣрѣ—многіе? Нѣтъ,—единицы. Почему же тогда не взять сюжетомъ своего разсказа непьющихъ іереевъ? Я лично знаю много такихъ іереевъ, у которыхъ изъ принципа никогда въ домѣ не бываетъ водки.

„Попы“ ѣздятъ на тройкахъ. Опять-таки не всѣ, и очень немногіе. Но они, эти катающіеся въ воображеніи и изображеніи Гусева и его присныхъ на тройкахъ „попы“, и пѣшкомъ ходятъ на требы даже за нѣсколько верстъ. Не надо обѣгать и этого.

Вотъ въ Волынской губ. въ январѣ 1912 года замерзъ священникъ, возвращаясь ночью пѣшкомъ отъ больного, котораго онъ напутствовалъ... Не такъ давно въ „Колоколѣ“ читалъ, что священникъ, также возвращаясь отъ больного, утонулъ въ полыньѣ...

Еще пишутъ Гусевъ и К^о, что „попы“ и сами не вѣруютъ. А что же, какъ не глубочайшая вѣра

заставила одного іерея, живого и нынѣ, проглотить св. Дары, выплюнутые на полъ больнымъ, заболѣвшимъ бѣшенствомъ? И самъ этотъ іерей заболѣлъ бѣшенствомъ, но милостію Божьею вылѣчился. Это не герои духа? И сколько ихъ, этихъ безъизвѣстныхъ героевъ, подвиги которыхъ никогда не узнаются, а если узнаются, — то замолчатся... Зачѣмъ же этихъ, поистинѣ святыхъ людей, забывать?

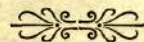
Вотъ этихъ-то фактовъ и не желаютъ знать современные писатели, даже ежедневная печать ихъ замалчиваетъ.

Велика ли важность, что какой-то тамъ „попъ“ замерзъ, или утонулъ? Вотъ если бы арестантъ, убившій десятокъ людей, убѣжалъ изъ тюрьмы, да замерзъ, ну-тогда, дѣйствительно, слѣдовало бы расписать. Досталось бы и „режиму“ и всему, — а о „попѣ“ какой тамъ разговоръ?

Прости имъ, Господи, не вѣдятъ бо, что творять!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пастырь.

Чтите родителей!

«Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ, и да долготѣнь будешь на землѣ».

Г Запов. Закона.

Вопросъ о почитаніи родителей — вопросъ особенно горячій въ современные дни...

Не кроется ли корень всего происходящаго теперь зла въ томъ, что искони вѣковы мы перестали уважать старшаго надъ собою, не есть ли, все переживаемое — продуктъ той гордости, которую проявилъ передъ Богомъ первый согрѣшившій Ангель-Денница!?

Гордость, этотъ первый, можно сказать, грѣхъ, появившійся на землѣ, поселилъ враждебное отношеніе младшихъ потомковъ къ старшимъ, вообще, и къ родителямъ, въ частности...

А вѣдь какъ велико слово: „родитель!“

Это — человѣкъ, производящій другого въ мірѣ для того, чтобы на немъ осуществить свои знанія, силы и средства.

И мы знаемъ многіе примѣры, когда дѣти въ самой грубой формѣ возставали на такихъ родителяхъ, которые, дѣйствительно, клали всѣ свои силы на воспитаніе ихъ...

И за что возставали и возставали?

Только за то, что родители предупреждали и предупреждаютъ ихъ отъ всего злого, давали и даютъ имъ, по опыту своему, совѣты, какъ устроиться въ жизни...

Нынѣшняя молодежь, привыкнувъ управлять

въ жизни сама собою, не признаетъ ничьей воли, даже родительской, а ея личное самоуправленіе зелено, какъ и она сама.

Что, на самомъ дѣлѣ, можетъ измыслить полезное для жизни молодой человѣкъ, который только что начинаетъ жить самостоятельно и не знаетъ въ жизни ничего, кромѣ заботы, какъ бы получше принарядиться!...

Но, тѣмъ не менѣе, оцъ съ важностью отвѣчаетъ имъ: не ваше дѣло... а иной, въ случаѣ малѣйшаго съ ихъ стороны пререканія, не задумается подвѣять руку на мать или отца...

Это теперь...

Не то было въ старину.

Родители были окружены ореоломъ особаго почитанія, ихъ голосъ былъ вершающимъ то или иное намѣреніе, его считали своего рода святыней...

Безъ воли родителей дѣти не совершали ни одного шага, благословеніе родительское являлось залогомъ счастья.

Да и какъ не дорожить священной родительской волей!...

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, бывшій Самъ единымъ существомъ, Богу, проявлялъ тѣмъ не менѣе, какъ мы знаемъ, глубочайшую любовь къ Небесному Отцу и Своей Пречистой Матери.

Даже въ дни величайшихъ страданій Своихъ, Онъ, всегда Самъ, какъ Богъ, могшій спасти Себя, — предалъ судьбу Свою родительской волѣ и въ страшную минуту скорби говорилъ, обращаясь къ Отцу:

„Да будетъ все не такъ, какъ Я хочу, но какъ Ты“...

Въ эти же страшные дни мученій, Онъ помнилъ и Всечестную Матеръ Свою:

— „Се—Мати твоя“...—сказалъ Онъ, указывая на Дѣву Марію Своему любимому ученику и этимъ высказалъ величайшую Свою заботу о ея судьбѣ...

Стоитъ ли говорить о томъ, что мы—христиане современнаго вѣка неизмѣримо далеки отъ такого отношенія къ родителямъ нашимъ...

Это и безъ словъ понятно...

Неповиновеніе младшаго къ старшему—это корень всѣхъ нашихъ теперешнихъ злосключеній.

Взгляните, въ животномъ мірѣ и тамъ признается первенство старшаго въ родѣ...

А у насъ—людей—поносятся тѣ, которымъ обязаны мы самымъ существованіемъ своимъ, которые вкладутъ всѣ свои силы и средства для того, чтобы сдѣлать изъ насъ полезныхъ обществу гражданъ.

Возьмемъ мать.

Что священнѣе, нѣжнѣе, радостнѣе дѣтскому сердцу нашему этого вѣчно любящаго существа!

Сколько заботъ отъ самаго дня рожденія даетъ она дѣтицу своему, съ какой любовью охраняетъ

его колыбель, какой тревогой бьется сердце ея за судьбу ребенка!

А отецъ!

Онъ, не щадя силъ, старается обезпечить трудомъ своимъ кусокъ хлѣба, создать покой семьѣ, оградить ея безопасность и, въ свою очередь, будучи ея главою, ея опорой, долженъ пользоваться соответствующимъ почетомъ.

А то ли у насъ?

Наводнившее Русь хулиганство вторглось зловреднымъ духомъ своимъ и въ семью и изъ дѣтей, въ лучшемъ значеніи этого слова, сдѣлало отбросовъ, которые, какъ червь, подтачиваютъ семейныя основы...

Развѣ мало теперь дѣтей, уже не будемъ говорить, — ругающихъ, а калѣчащихъ, избивающихъ родителей своихъ!?

Развѣ мало сыновей, убивающихъ и насилующихъ матерей своихъ, вселяющихъ ужасъ въ семьѣ, страхъ передъ ихъ приходомъ!?

Много, очень много...

Возьмемъ субботу...

Любящая мать ждетъ съ полочки взлелѣяннаго ея завѣтными мечтами сыночка.

Проходить часъ, другой, третій...

— Вѣдненькій, работаетъ... тяжело...—вздыхаетъ любящее материнское сердце: охти... чайку заварить... усталъ... работалъ вѣдь...

И согбенная заботами и старостью мать беретъ за самоваръ и со счастливой улыбкой гордости за сына опускаетъ въ самоваръ лучину...

Кипитъ самоваръ на чистенькой скатерти, нарѣзанъ ситный, колбаса...

Проходить часъ, другой, третій...

Мать смотритъ на часы и болѣзненно вздыхаетъ...

Вотъ съ шумомъ отворяется дверь и, еле держась на ногахъ, въ комнату вваливается ея долго жданный сынъ... Онъ пьянъ.

Грязный, оборванный, съ синяками на лицѣ...

Ни съ того, ни съ сего, (а, быть можетъ, за то, что его такъ нѣжно ждали)—на мать сыплется ругань, а за тѣмъ и ужасная, все перевертывающая въ сердцѣ, опречина...

Несчастная рыдаетъ. Сынъ равнодушно укладывается на постель и предается пьяному сну...

Подобные сыновья въ семьяхъ въ наше время не рѣдкость.

Не лучше и дочери.

Многія изъ нихъ травятъ души родительскія, не соответствующимъ дѣвическому званію, поведеніемъ своимъ.

Нѣтъ у родителей утѣхи въ затаенныхъ надеждахъ.

А почему все это? Потому, прежде всего, что нѣтъ въ насъ страха Божія, не страха, въ сущ-

ности, а той благоговѣйной любви, которая заставляет трепетать върующее сердце изъ боязни наказанія свыше.

А если человекъ потерялъ страхъ Божій, можно ли ждать отъ него уваженія къ родителямъ и людямъ вообще?

Конечно, нѣтъ...

„Позабудутъ Бога — потеряютъ стыдъ“... — это жизненная правда, выше которой не существуетъ законовъ.

Ужасъ леденить кровь, когда видишь избиваемыхъ и поругаемыхъ дѣтьми родителей, а въдъ это стало обычнымъ явленіемъ нашего вѣка.

Въ лучшемъ случаѣ у насъ обращаются съ родителями за панибрата, заводятъ какую-то особую „дружбу“ съ ними, а то священное, сокровенное, что имѣетъ въ себѣ тайну настоящихъ отношеній между родителями и дѣтьми, считается у насъ, какъ и многое другое — устарѣвшимъ...

Съ которой стороны ни взгляни — всеѣмъ руководитъ гордость людская, предразсудочная боязнь показаться отсталымъ, смѣшнымъ.

А, между тѣмъ, мы знаемъ примѣры, когда отсутствіе родительскаго благословенія отражалось на всей жизни и передавалось потомству.

Господь, искони благословивъ старшаго въ родѣ, передалъ это благословеніе потомству.

Въ силу его, глава семьи, а тѣмъ болѣе родитель или родительница имѣютъ право на почитаніе и никто изъ дѣтей не долженъ считаться съ душевными качествами ихъ, а уважать и повиноваться имъ.

— „Чти отца твоего и мать твою и благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будешь на землѣ“ — такъ заповѣдалъ Богъ еще тогда, когда не знали величайшаго нравственнаго закона, даннаго намъ Христомъ, закона, въ которомъ не ставилось людямъ никакихъ границъ въ достиженіи идеала.

„Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть“...

И вотъ, если мы теперь, какъ христіане, стоимъ на дорогѣ, ведущей на столь великую нравственную высоту, мы тѣмъ болѣе должны исполнять эту заповѣдь, какъ касающуюся тѣхъ, кто является, такъ сказать, насадителями въ насъ зачатковъ нравственности, т.е. родителей, съ первыхъ же дней заботящихся о нашей душѣ.

Будемъ же слѣдовать примѣру Христа, Который со столь величайшей любовью, любовью дерзновенной, лишенной всякаго подобострастія, истинной сыновней любовью относился къ Небесному Отцу и Своей Пречистой Матери.

Послѣдуемъ ему и будемъ долголѣтны въ счастливыхъ дняхъ.

А. Фадѣевъ.

МОИ ИЗБРАННЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Окончаніе. См. № 37).

13.

Заключеніе.

Все вышеизложенныя мои воспоминанія, какъ это очевидно для всякаго, по своему существу совершенно однородны и даже тождественны, именно — всеѣ они въ концѣ концовъ выражаютъ одну и ту-же мысль, что распростертое надъ нами небо — не пустое, холодное, бездушное и безучастное ко всему пространство, а напротивъ — оно полно живыхъ, острозоркихъ, неуспшно бодрствующихъ, и весьма дѣятельныхъ существъ, изъ которыхъ одни неизмѣнно къ намъ расположены и благожелательны и съ любовью заботятся о направленіи всей нашей жизни къ нашему спасенію, другія же тоже неизмѣнно къ намъ враждебны и зложелательны и постоянно измышляютъ всяческіе способы, какъ бы насъ погубить. Впрочемъ, существа послѣдняго рода имѣютъ пребываніе собственно не на небѣ, откуда они нѣкогда низвергнуты (Лук. 10, 18) Откров. Іоан. Богосл. 12, 9), а подъ небомъ въ воздушномъ пространствѣ, находящемся между небомъ и землею (Ефес. 2, 2; 6, 12). Если же это такъ, если вся наша земная жизнь проходить подъ вліяніемъ неземныхъ, высшихъ духовныхъ существъ, то, спрашивается, какъ эти существа, обитая на высокоомъ и далекоомъ отъ насъ небѣ или поднебесьи, могутъ знать не только наши дѣла и слова, но даже самыя наши мысли, чувства и желанія? Что Трїединный Господь-Богъ знаетъ насъ совершенно, знаетъ гораздо лучше, чѣмъ мы сами себя знаемъ (1 Іоан. 3, 20), это понятно, потому что Онъ вездѣсущій и всевѣдущій нашъ Творецъ и Промыслитель (Евр. 4, 13; Псал. 32, 13—14; 89, 8 и др.). Но какимъ образомъ святые существа или бѣсы, существа ограниченныя, не вездѣсущія и не всевѣдущія, могутъ знать нашъ внутренній міръ, наши различныя душевныя движенія и расположенія, чтобы вліять на нихъ и направлять ихъ по своему усмотрѣнію?

Изъ нѣсколькихъ богословскихъ мнѣній, отвѣчающихъ на этотъ вопросъ, мнѣнїи довольно отвлеченныхъ и мудреныхъ, мнѣ наиболѣе нравится простое, наглядное мнѣніе извѣстнаго покойнаго епископа Теофана. Это мнѣніе я и приведу здѣсь, такъ какъ оно въ достовѣрности своей нисколько не уступаетъ другимъ мнѣніямъ подобнаго рода. „Есть въ мірѣ“, говоритъ епископъ Теофанъ, „тончайшая стихія. Она тоньше не только воздуха, но и свѣта. Зовутъ ее эфиръ. Эфиръ все проникаетъ и всюду проходитъ, служа послѣднею гранью вещественнаго бытія. Полагаю, что въ этой стихіи витаютъ всеѣ блаженные духи — ангелы и святые

Божіи,—сами будучи облечены въ нѣкую одежду изъ этой же стихіи. Изъ этой же стихіи и оболочка души нашей. Сама душа, какъ духъ, невещественна, но оболочка ея—изъ этой тонкой вещественной стихіи. Тѣло наше—грубо, а та оболочка души — тончайшая есть, и служитъ посредницею между душою и тѣломъ. Черезъ нее душа дѣйствуетъ на тѣло и тѣло на душу. Но объ этомъ я мимоходомъ говорю. Удержите только въ мысли, что душа имѣетъ тончайшую оболочку, и что эта оболочка такая же у нашей души, какая и у всѣхъ духовъ. Изъ этого уже не трудно вывести заклю-

Преподобный Сергій отрокомъ, возвращаясь изъ стада, получаетъ просфору отъ старца и благословеніе. (Къ 25 сентября).

ченіе, что та всемірная тончайшая стихія, изъ которой эти оболочки и въ которой витаютъ всѣ духи, есть посредница и для взаимнаго общенія нашихъ душъ и тѣхъ духовъ.

Та стихія, о коей рѣчь, нигдѣ помѣхи не встрѣчаетъ себѣ. Лучъ солнца проходитъ сквозь стекло, а та стихія проходитъ и сквозь стекло, и сквозь стѣны, и сквозь землю, и сквозь все. Но какъ она проходитъ сквозь все, такъ и тѣ, которые витаютъ въ ней, могутъ проходить сквозь все, когда нужно. (Спаситель, напримѣръ, прошелъ въ горницу, гдѣ были Апостолы, сквозь затворенныя двери). Оби-

таютъ они въ опредѣленномъ мѣстѣ, но когда имъ повелѣвается или позволяется, тотчасъ переносятся куда нужно по той стихіи, и никакихъ преградъ не только не встрѣчаютъ, но и не видятъ. Когда нужно, переносятся, а гдѣ нѣтъ такой нужды, пребывая на своемъ мѣстѣ, видятъ по всѣмъ направленіямъ, что гдѣ есть и что гдѣ творится. И когда очи свои обращаютъ на землю, т. е. на насъ грѣшныхъ, то ясно и видятъ насъ... только не это грубое наше тѣло, до коего имъ дѣла нѣтъ, а видятъ самую душу нашу, какъ она есть, не непосредственно, посредствомъ оболочки души, сходной съ ихъ оболочкою и тою стихіею, въ которой они живутъ, ибо состояніе души вѣрно отражается въ ея оболочкѣ.

Теперь позвольте вообразить: сидятъ двое и разговариваютъ, при этомъ душа каждого настроена своимъ образомъ. Каждый изъ нихъ не видитъ, что на душѣ другого, по причинѣ грубой завѣсы тѣла, за которую прячется душа; а Ангелы и святые, если обратятъ взоръ на нихъ, увидятъ душу ихъ, какъ она есть и что въ ней есть, ибо какова она и что въ ней — отражается въ ея оболочкѣ. Если въ душѣ святыхъ мысли и чувства, оболочка ея свѣтлая, и при каждомъ святомъ чувствѣ свѣтла особымъ образомъ. А если мысли и чувства ея не совсѣмъ чисты, то и оболочка ея не свѣтла, и отъ каждого не чистаго чувства своимъ образомъ помрачена, являясь то какъ туманъ, то какъ мракъ ночи. Если бы мы вознеслись на небо, совлекшись, конечно, этого тѣла, то, взглянувъ на землю, увидѣли бы вмѣсто разнообразной массы людей нѣкія тѣни свѣтлыя, полусвѣтлыя и мрачныя... И вотъ такими-то видятъ насъ небожители, и судя по тому, какими видятъ, радуются о насъ или скорбятъ...

Святые, даже находясь здѣсь, на землѣ, видятъ людей, какіе они есть. При жизни св. Андрея, Христа ради юродиваго, былъ въ Константинополѣ іерей (изъ неженатыхъ) постникъ, уединеникъ, молитвенникъ. Всѣ его очень чтили. Но встрѣтился съ нимъ св. Андрей и видитъ, что онъ одѣтъ какимъ-то темнымъ туманомъ, а около шеи у него обвилась змѣя съ надписью: „Змѣй сребролюбія“. Вотъ какова была его душа! А между тѣмъ этого никто не видалъ. Увидѣли просвѣщенные духовныя очи св. Андрея. Онъ поговорилъ наединѣ съ этимъ іереемъ, привелъ его въ раскаяніе и онъ исправился. Но у небожителей очи еще пресвѣщеннѣе. Такимъ образомъ тогда, когда намъ думается, что никто насъ не видитъ, каковы мы, насъ видитъ несмѣтное множество очей. Видите, сколько звѣздъ на небѣ? Очей, на насъ обращенныхъ, еще больше.

Кромѣ Ангеловъ и святыхъ видятъ насъ невидимо для насъ и темныя силы, бѣсы. Только они, когда душа чиста, свѣтла, не могутъ смотрѣть на нее, боясь, подобно нетопырямъ, свѣта, а воззрѣ-

ваютъ на нее лишь тогда, когда она начинаетъ помрачаться. Они всюду стаями шмыгаютъ и, какъ только замѣтятъ гдѣ-либо потемненную душу, тотчасъ нападаютъ на нее огуломъ и начинаютъ вертѣть ее туда и сюда помыслами, страстными желаніями и волненіемъ чувствъ. Впрочемъ, бѣсы покушаются подкрасться и къ святымъ душамъ, но бывають отражаемы и поражаемы, какъ стрѣлою, лучами свѣта. Въ Антиохіи былъ знаменитый волхвъ Кипріанъ (впослѣдствіи обратившійся ко Христу и бывший епископомъ). Одинъ юноша просилъ его расположить къ нему своимъ волхваніемъ Густину, прекрасную христіанку, которую онъ хотѣлъ взять себѣ въ жены, а она и смотрѣть на него не хотѣла. Кипріанъ посылалъ къ ней нѣсколько разъ состоявшихъ у него на службѣ бѣсовъ, чтобы они по своему расшевелили въ ней любовь къ юношѣ, но тѣ подходили къ ея жилищу, а внутрь войти не могли и, воротясь, сказывали, что оттуда — изнутри — ихъ отражаетъ и опалаетъ свѣтъ, ибо та Густина, какъ облакомъ какимъ, одѣта была свѣтомъ и имъ не удалось на нее посмотреть. (Что есть дух. жизнь, изд. 2-е Одесса, 1886 г.). Душевный (не говоря уже о плотскомъ) человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14).

Епископъ Гедеонъ.

„Богоискатели“.

(ОЧЕРКЪ).

Ваша интеллигенція, а за ней, по чисто стадному чувству и полуинтеллигенція, такъ называемый „сознательный элементъ“—представители фабрично-заводской корпораціи, всѣ бросились въ модное теперь „богоискательство“.

Часто, сидя за самоваромъ, въ маленькомъ душистомъ садикѣ, въ тихій майскій вечеръ, когда бываетъ такъ тихо и хорошо на душѣ, бесѣдовали мы по этому поводу съ моимъ квартирнымъ хозяиномъ,—мастеромъ одного изъ большихъ и извѣстныхъ по всей Россіи Сормовскихъ заводовъ, расположенныхъ по лѣвому берегу Волги, въ двухъ верстахъ отъ Нижняго-Новгорода.

— Разные проходимцы,—говорилъ онъ,—вродѣ „братцевъ“, „пророковъ“ и „апостоловъ“, ловко учитывая народную темноту, невѣжество и стремленіе человѣческой души къ постоянному совершенствованію, задавшись цѣлью легко обогатиться за этотъ счетъ, основываютъ разныя новыя секты и ученія. И стремится душа, тонущая въ мерзости грѣха и порока, къ нимъ, общающимся легкое,

безъ труда, спасеніе, не налагающимъ почти никакихъ нравственныхъ обязательствъ. Семья, законный бракъ, честь и совѣсть—все это для нихъ понятія отвлеченныя, наоборотъ, „свободная любовь“, а на этой почвѣ откровенный развратъ, непризнание родительскаго авторитета, поклоненіе Богу въ „духѣ и истинѣ“, безъ таинствъ, поста, молитвы и церковныхъ богослуженій—вотъ альфа и омега новѣйшихъ вѣроучителей. И, замѣтите, съ страшнаго, чернаго 1905 года, они стали расти какъ грибы, найдя благодарную почву, задолго подготовленную лѣвыми, всѣми силами старавшимися подорвать авторитетъ Церкви и пастырей и заложившими въ душу фабрично-заводскаго рабочаго зерна какой-то безумной и ни на чемъ не основанной злобы и ненависти ко всему, что свято, близко и дорого каждой русской душѣ.

Андрей Андреевичъ (такъ звали моего хозяина) передохнулъ, вылилъ на траву остывшій чай и наливъ новаго, продолжалъ:

— Я самъ рабочій, но не могу не возмущаться при видѣ того, что происходитъ. Спросишь того—баптистъ, этотъ евангельскій христіанинъ, этотъ трезвенникъ—тѣфу—да позвольте васъ спросить—мы то кто? Не мы ли истинные православные христіане, имѣющіе св. Церковь матерью, всепрощающую, любвеобильную, съ Богомъ, поймите самимъ Богомъ установленными таинствами, а не какими-нибудь прохвостами, жаждущими только обогатиться за счетъ легковѣрнаго.

Андрей Андреевичъ передохнулъ и съ жаромъ продолжалъ:

— Выбралъ я какъ-то двухъ: баптиста да евангельскаго христіанина и говорю имъ: „ну-ка сведите меня на ваши молитвенныя собранія“—обрадовались, думаютъ: „пошатнулся таки въ вѣрѣ, старый хрычъ“. Приходилъ къ баптистамъ. Какая-то казарма не казарма—сарай не сарай—на стѣнахъ холсты съ изреченіями. Пусто, неуютно. Сидятъ десятка два бабъ, да мужиковъ. На каедрѣ какой-то господинчикъ, вродѣ тѣхъ „орателей“, какъ у насъ ихъ называли, что въ забастовку рѣчи на фонаряхъ говорили, о грѣхахъ людскихъ печалится. „Погибаетъ, говоритъ, родъ людской, да и совѣмъ погибнетъ, коль не приметъ нашего ученія“, а самъ таково-то ловко изъ Библии, да Евангелія тексты подбираетъ. Слушалъ я, слушалъ, всталъ, да говорю ему: будетъ вамъ народъ-то морочить, да святые книги трепать, а вы, олухи, чѣмъ каждого щелкуна слушать, шли бы къ пастырямъ своимъ, Самимъ Богомъ поставленнымъ, да внимали бы имъ“. Зашевелились они, хотѣли меня вывести, да я говорю: „самъ уйду“. Кончилось тутъ собраніе и какой-то въ родѣ какъ бы съ тарелкой мзду собирать пошелъ. Я, уходя, и говорю: „вотъ, братцы, вы пастырей обвиняете, что за требы бе-

ругъ, такъ имъ Господь отъ алтаря питаться велѣлъ, а этимъ господамъ съ легкой душой послѣдній грошъ отдаете—дѣло ли это?

— Тоже и у евангелистовъ, только тамъ повеселѣй. Поговорить, поговорить, сядетъ какой-нибудь субъектъ къ фисгармоніи, начнетъ играть и не поймешь, что это такое; молитва ли, псаломъ, или ужъ пѣсня. Ну, сходилъ это я два раза, посмотрѣлъ, да и зову коноводовъ-то нашихъ, что таскали меня, чай пить. Пришли. Сидимъ, вотъ такъ же въ садикѣ, я и говорю: „Неужели же святой князь Владиміръ былъ глупѣе васъ, принявъ греческую вѣру безъ всякихъ дополненій и измѣненій съ своей стороны? Вамъ ли, говорю, и вашимъ самозваннымъ пророкамъ, чѣмъ бы то ни было улучшать и добавлять ученіе Христа, настолько полное и всеобъемлющее, переживающее вторую тысячу лѣтъ? Какъ сравнить ваши собранія съ нашей божественной службой, когда душа, отрѣшаясь отъ всего земного, уносится въ высъ, сердце воспламеняется и самый закоренѣлый грѣшникъ становится чище и лучше? И вѣрьте, говорю, братцы, придетъ то время, спадетъ завѣса съ вашихъ глазъ и сами вы ужаснетесь вашихъ заблужденій и, помните, св. Церковь, какъ мать родная, всегда съ любовью приметъ васъ. Долго тутъ говорилъ я имъ по неученому, отъ сердца, и въ тяжеломъ раздумьѣ ушли они отъ меня. Побесѣдуй еще не разъ и, думаю, что милосердный Господь вновь огласитъ ихъ словомъ истины и, какъ любящій Отецъ, откроетъ лоно святой и православной Церкви.

Темно-синее небо съ мириадами звѣздъ, огромнымъ куполомъ опрокинулось надъ нами, съ Волги несло вечернею свѣжестью, было такъ хорошо, что не хотѣлось идти въ душныя комнаты.

Сергій Горбуновъ.

Жимое препятствіе.

Наступило удивительное время: появилось уже слишкомъ много людей на Руси, порывающихся приносить плоды трудовъ своихъ на благо отчизны и ближнихъ. Всякій мнитъ себя, на словахъ, Мининымъ и Пожарскимъ, а на дѣлѣ этого никто почти не доказываетъ. Всѣ эти „спасители отечества“ ссылаются все на какія-то безчисленные препятствія и неблагоприятныя условія, будто бы останавливающія ихъ „великую“ плодотворную дѣятельность. Заговорите съ подобными личностями о всѣхъ этихъ препятствіяхъ, и они, т.-е., препятствія эти окажутся ни чѣмъ инымъ, какъ „существующимъ старымъ правительственнымъ режимомъ“. На этотъ режимъ, какъ на тор-

мозъ въ дѣланіи добра родинѣ и ближнимъ, называютъ всѣ рѣшительно, начиная съ высшихъ классовъ общества и кончая лакеями и извозчиками. Поговорите съ однимъ изъ подобныхъ ненавистниковъ „старого режима“,—и онъ окажется вовсе не одухотвореннымъ идеею служенія ближнимъ, а просто бесплоднымъ говоруномъ, краснобаемъ и политиканомъ, которому въ дѣланіи добра не только никто не мѣшаетъ, а, напротивъ, онъ всѣмъ мѣшаетъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, развращая многихъ своимъ пустымъ краснобайствомъ. Вѣдь, сама безпристрастная исторія свидѣтельствуетъ, что никакой режимъ не въ состояніи препятствовать человѣку въ дѣланіи блага на пользу отечеству и ближнимъ. Возьмемъ, для примѣра, великихъ мужей благочестія: преподобнаго о. Серафима, старцевъ: Амвросія, Варнаву, еп. Теофана, о. Иоанна Кронштадтскаго и др., жившихъ при томъ же „старомъ режимѣ“, и спросимъ себя: почему этотъ режимъ не помѣшалъ симъ столпамъ благочестія быть и славными гражданами-патріотами, и печальниками ближнихъ? А намъ все мѣшаетъ! Спросимъ опять свою совѣсть: развѣ, напримѣръ, кто препятствуетъ намъ быть проповѣдниками великой идеи трезвости посреди спивающагося населенія нашей отчизны? Развѣ кто мѣшаетъ учить темный народъ правильному земледѣлію, травосѣянію и пр.? Развѣ кто воспрепятствуетъ выучить ближняго какому-либо ремеслу или полезному занятію? Развѣ кто препятствуетъ вразумлять пьяницъ, развратниковъ, картежниковъ-игроковъ, сквернослововъ и др.? Развѣ кто мѣшаетъ благотворить бѣднотѣ, сиротамъ и обездоленнымъ, которыхъ такъ много въ наши дни? Развѣ кто препятствуетъ приобрѣтать полезныя для нравственности и хозяйственной части народа книги и надѣлять ими школы, читальни или просто наводить деревни и села, какъ это дѣлаютъ революціонеры съ своей ядоносной и гибельной литературой? Развѣ кто помѣшаетъ, наконецъ, самому отстать отъ дурныхъ привычекъ: пьянства, куренья, траты драгоценнаго времени въ пустыхъ пріятельскихъ компаніяхъ и, вмѣсто того, поработать надъ своимъ самоусовершенствованіемъ? Никто не помѣшаетъ этому, никакой режимъ не воспрепятствуетъ. Благодѣтелю всѣ покоряются, всѣ его слушаютъ, почитаютъ и уважаютъ. Дѣлать добро никому и никто помѣшать не въ состояніи.

Отвѣты вопрошающимъ.

Вопросъ (подп. И. Кузнецова). 1) Въ селѣ, гдѣ я живу, священникъ запрещенъ въ служеніи на 6 мѣсяцевъ, а на мѣсто его временно назначенъ другой. Какъ молиться за нихъ, и коего изъ нихъ слѣдуетъ помянуть въ молит-

вахъ: вновь ли назначеннаго или стараго, у котораго я былъ на исповѣди? 2) Мнѣ пришлось видѣть (въ селѣ) повѣнчаніе брака въ Мясопустное воскресенье (между заутренней и обѣдней). Допустимо ли это?

Отвѣтъ. 1) Вообще, мы должны молиться за пастырей церковныхъ и въ особенности за тѣхъ, кои являются нашими духовными отцами. 2) Вопросъ о повѣнчаніи брака въ мясопустное воскресенье рѣшается неодинаково. Въ однѣхъ епархіяхъ вѣнчаютъ, въ другихъ—нѣтъ. (Покойные святители—Филаретъ, моск. не разрѣшалъ, Исидоръ разрѣшалъ). Поэтому, правильнѣе испрашивать въ каждомъ случаѣ разрѣшеніе мѣстнаго архіерея.

Вопросъ («Нѣкто»). Священникъ повѣнчалъ жениха и невесту вдовцовъ изъ разныхъ приходоу въ 4-й степени кровнаго родства, что возбраняется церковными канонами. Но онъ не виновенъ, т.-е. не зналъ сего. Формальныя предосторожности всѣ соблюдены: оглашенія читаны, обыскъ составленъ правильно и т. д. По новѣйшимъ узаконеніямъ не можетъ ли архіерей разрѣшить такого брака? Въ руководствѣ у Булгакова есть ссылка на «Церковн. Вѣстн.» (1893 г., № 1), что причтъ, повѣнчавшій въ запрещенныхъ степеняхъ родства, соблюшій всѣ предбр. предосторожности, не виновенъ.

Отвѣтъ. Циркулярнымъ указомъ Св. Синода, 20 іюля 1904 года, позволено епархіальнымъ архіереямъ разрѣшать браки въ четвертой степени двухроднаго свойства. Что же касается кровнаго родства, то бракъ запрещенъ до 4-й степени его включительно. Въ 5-й степени (по боковымъ линіямъ) бракъ допускается, но только съ разрѣшенія архіерея. Что касается степени виновности священника за повѣнчаніе запрещеннаго брака (напр. въ 4-й степени кровнаго родства), то сужденіе объ этомъ принадлежитъ мѣстному епархіальному начальству.

Вопросъ (свящ. А. Шкенева). 1) Предъ кѣмъ должно хлопотать, чтобы снова былъ признанъ разведенный бракъ? 2) Будетъ ли уважено подобное ходатайство? 3) Если будетъ уважено, то нужно будетъ вѣнчать разведенныхъ? и какимъ бракомъ? 4) Разведенные снова живутъ вмѣстѣ: какъ причту записывать ихъ въ настоящее время въ подворныхъ вѣдомостяхъ? Какъ записывать въ метрическія книги акты рожденія у нихъ дѣтей?

Отвѣтъ. Подобное ходатайство должно быть направлено въ консисторію. Разведенные при записи въ подворныхъ вѣдомостяхъ должны, конечно, представляться чужими другъ другу лицами; рождающіеся у разведенныхъ, но находящихся въ сожителствѣ, — дѣти должны быть признаны незаконнорожденными.

Вопросъ (подп. № 6179). 1) Общество платило страховыя деньги за церковь: послѣ пожара церкви страховыя деньги въ чью пользу поступаютъ: въ пользу общества или церкви? 2) Какъ дѣлятся церковныя капиталы при раздѣлѣ прихода? 3) Можетъ ли самовольно завѣдующій церковной школой облагать учащихся квартирнымъ налогомъ?

Отвѣтъ. 1) Страховыя деньги всегда идутъ страхователямъ, т.-е. тѣмъ, кто платитъ за страховку имущества (въ данномъ случаѣ—обществу). Отъ общества зависитъ распорядиться страховой преміей и отдать ее въ пользу церкви. 2) Раздѣлъ церковнаго капитала зависитъ отъ усмотрѣнія епарх. начальства. 3) Последняго пункта въ вопросѣ не понимаемъ.

Вопросъ (П. В. Гладкова). 1) Въ инструкціи церковнымъ старостамъ сказано, что сторожей для церкви назначаетъ староста совместно съ причтомъ; въ виду этого въ правѣ ли представители церкви (такъ наз. «счетчики») входить въ обсужденіе вопросовъ, касающихся какихъ-либо неправильныхъ дѣйствій церковныхъ сторожей? 2) Могутъ ли представители церкви принимать участіе въ обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ, касающихся внутренняго или внѣшняго благоустройства церкви и проч. 3) За неимѣніемъ причтовыхъ домовъ, причтъ, согласно разрѣшенію духовной консисторіи, получаетъ изъ церковныхъ доходовъ по 10 руб. въ мѣсяцъ—священникъ и псаломщикъ; кромѣ этого, тотъ же священникъ—предсѣдатель церковно-приходскаго попечительства—получаетъ также квартирныхъ 10 руб. въ мѣсяцъ изъ доходовъ церковно-приходскаго попечительства. Возможно ли это?

Отвѣтъ. 1) и 2) Роль «представителей прихожанъ» опредѣляется § 42 Инстр. церк. старостамъ и, согласно этому §, состоитъ только въ присутствіи при высылкѣ денегъ и свидѣтельствѣ прихода и расхода суммъ. Они не имѣютъ права касаться тѣхъ вопросовъ, которые по «Инструкціи» вѣдаютъ причтъ и церковный староста. 3) Церковно-приходское попечительство обязано, между прочимъ, заботиться объ устройствѣ домовъ для церковнаго причта. Слѣдовательно, оно въ правѣ выдавать священнику квартирныя деньги, если для жительства причта не имѣется въ приходѣ церковнаго дома.

Вопросъ (В. Колмачевского). Воспитанникъ Киевскаго Военнаго Училища, римско-католическаго вѣроисповѣданія (по національности чехъ) Ярославъ Владиславъ Войтель, въ 1911 году пожелалъ принять православіе, что и исполнилъ. Въ его метрической записи о присоединеніи къ православію, удостовѣренной священникомъ и восприимниками, сказано, что ему оставлено прежнее имя «Ярославъ». Какому же святому, тезоименитому ему, онъ долженъ молиться, когда имени «Ярославъ» нѣтъ въ православной Церкви?

Отвѣтъ. Имя *Ярославъ* могло быть оставлено присоединенному къ православію, какъ чисто славянское имя, которое носили многие русскіе князья, просвѣщенные св. крещеніемъ и, конечно, имѣвшие своихъ небесныхъ кровителей—святыхъ Божіихъ. Присоединенному къ православію *Ярославу*, священникъ могъ указать тезоименитаго ему святаго изъ св. угодниковъ Божіихъ, память коихъ приходилась, по святцамъ, въ день «присоединенія» и проч.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Путеволныя огоньки. 2) Спасеніе во Христѣ. 3) Изъ пастырскаго дневника. 4) Чтите родителей! 5) Мои избранные воспоминанія. 6) „Богоискатели“. 7) Мнѣ мое пренятсвіе. 8) Отвѣты вопрошающимъ.

РИСУНКИ: 1) Изображеніе чудотворной иконы Божіей Матери Іерусалимской. 2) Гробъ, въ которомъ почиваютъ мощи преподобнаго Серафима въ настоящее время, сооруженъ Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II. 3) Преподобный Сергій отрокомъ.

При семъ № прилагаются Листки за №№ 959, 960, 961, 962 и „Современное обозрѣніе“ № 39-й.

Редакторъ-Издатель Священникъ С. С. Лапидевскій.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, Сентября 19-го дня 1913 года.

Типо-Литографія И. Ефимова, преемникъ И. С. Ефимовъ, въ Москвѣ.

Цензоръ, Протоіерей І. Соловьевъ.